

Екатерина Бобровская

Восемь страниц

1

Карина перепрыгивала через бугры размякшего январского снега. Воздух возле цирка все еще пах попкорном и китайским пластиком, – в кармане как раз постукивал игрушечный фонарик, который удалось выпросить во время антракта.

– Ты кого хочешь, братика или сестренку?

– Давай лучше купим обезьянку? – Карина потянулась пальцем к маминой сумке. Там внутри файл, а в файле – фотография: она, мама и три чудесные обезьяны в шляпах с перьями.

К весне мамина походка потяжелела, и стало понятно, что обезьянки не будет. Так появился Кир. Совершенно не интересный: без шляпы и перьев. Карина его побаивалась и лишний раз старалась не трогать – у мамы как-то лучше получалось.

2

Карине в десятый класс, Киру в первый. В разные школы, хоть и в соседних корпусах. Карина в кадетском классе, Кир в гимназии.

– Мы вас боимся, – серьезно заверил ее Кир. – У вас одни неблагополучные учатся. Так классная говорит.

– Зато мы не поем в дурацком хоре.

– Я и не хочу петь в хоре! Я на трубе играть хочу!

– А у трубачей щеки огромные, как у хомяков.

На трубе Кир так и не заиграл, отец отдал его на борьбу и шахматы. На Карину у него планов не было.

– Мне с мальчиками проще. С ними понятно, что делать надо. Мужика растить, вот, что надо делать. А женщины… кто вас разберет?

Вероятно, именно поэтому развод не заставил себя ждать.

3

Зубы мудрости в их семье – дело тяжелое. Карине удалили уже третий, когда настала очередь Кира. Восьмерка мешала ему открывать рот за завтраком и спорить с матерью. Сделали снимок, отвели к стоматологу. Там острой железкой потыкали в десну, посветили фонариком для верности.

– Ну, тут дело ясное. Вам на удаление!

После удаления легче не стало. Щека опухла и почти легла на плечо. Другой стоматолог посмотрел швы, потом посмотрел снимок.

– Ну, тут надо разбираться. Вам в челюстно-лицевую.

В челюстно-лицевой сделали новые снимки. Завели мать в кабинет дежурного хирурга.

– Ну, восьмерку могли не удалять. Вам в онкологию.

4

На химию Кир ложился с мамой, хотя с отцом было проще. Он не плакал, не донимал вопросами и почти всегда спал. Но отец появлялся редко: искал себя и новую жену.

Капельницы душили не только огромную саркому, но и Кира. Вес падал вместе с показателями, а врачи предлагали готовиться к худшему прямо сейчас.

– Он либо не переживет химию, либо операцию. А переживёт – чудо, если сохраним язык.

– Я думаю, это тебе в наказание. Надо было меньше материться, – заключил отец во время очередного визита.

5

Киру сохранили язык. Удалили половину челюсти и восстановили из берцовой кости. Отец на операцию не приехал.

– Это лишние движения. Бога ради, никто же не умирает!

Кира выписали домой, назначили новые капельницы, а вдобавок – лечение от гангрены: нога заживала плохо, шрам почернел.

– Не переживай, издалека даже ничего, на бастурму похоже, – подбадривали друзья Кира.

Как только врачи разрешили нарушить постельный режим, Кир вернулся в школу, нашел подработку на лето. А еще твердо решил поступать в медицинский.

6

В двадцать первое отделение полиции Карина приехала с мокрой головой. За турникетом разместился стол с вещдоками: полупустая пачка сигарет, пивная бутылка, энергетик. Классический набор бедового старшеклассника. Кир сидел рядом с молоденькой девушкой в форме и выглядел абсолютно счастливым.

– Архитектура у них тут, конечно, знатная. Ты посмотри на лепнину. И лампы. И шторы!

– Надо срочно что-то делать. Мама в самолете, ей лететь четыре часа. Ты звонил отцу?

– Тут такое дело… Я им сказал, что у нас нет отца. Но ты не грусти. Лучше смотри, какой паркет!

Из пункта задержания выбрались чудом. Кир потянулся, зевнул, осмотрелся.

– Нет настроения забежать брату за сигаретками?

7

– Посмотрим сегодня что-нибудь?

Кир задумался, через минуту благосклонно кивнул. Осторожно поднялся с кровати, прикрыл футболкой раздутую щеку. Воздух в комнате был тяжелый, приторно-сладкий, мясной. Карина старалась не смотреть на него, чтобы не смущать.

– Там мама всего наготовила. Поешь?

– Пока не могу. Давай ты ей скажешь, что поел, а я там как-нибудь потом?

Стол и тумбочка были заставлены едой. И ни одной пустой тарелки, которая могла бы хоть кого-то обмануть.

– Давай.

8

Спали с мамой по очереди. Поправляли подушки, меняли постельное белье, обтирали рот и перевязывали растерзанную щеку. Карина все еще боялась лишний раз притронуться – у мамы

получалось как-то лучше. Разминали тоненькие руки и ноги, растирали тело. Каждая кость выпирала из-под толстого одеяла, как поручень в автобусе.

Кир ушел вечером. Через час приехала скорая помощь. Фельдшер вызвала полицию, полиция вызвала перевозку до морга. Завернули невесомое тело и унесли.

— Соболезную вашему горю, но у меня работа такая, — оправдывался участковый, собирая с мамы показания. Мама сидела на полу и кивала — пустая и белая-белая.

Карина свернула одеяло, подушку, матрас. Нужно унести из дома, так ей сказали. Домашние тапочки чавкали в подтаявшем январском снегу. Воздух за домом был влажным и пах попкорном и китайским пластиком, — к Новому году приехал цирк. Карина упала в снег и завыла.